

СОЗВЕЗДИЕ

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

На снимке фотокорреспондента Дмитрия Пранца, который читатель видит перед собой, певица Сирье Пуура — слева. Рядом с нею — концертмейстер Ольга Белова. Сделан снимок в одной из гримерных театра «Эстония», о чем без труда можно догадаться по тускло поблескивающим высоким зеркалам и глядящимся в них электрическим лампочкам.

Театр «Эстония» — дом Сирье Пуура. Здесь она работает уже несколько лет, с ним связано многое, если не все, в ее жизни. Роли, победы, всегда достававшиеся нелегко, неизбежные потери и ошибки. В этом доме Сирье чувствовала себя сильной, когда что-то удавалось, и слабой, сомневающейся, если роль в процессе работы не получалась, не хотела получаться и все тут. Таких сомнений судьба с лихвой отпускает каждому актеру.

Сирье никогда или почти никогда не бывает похожей на своих героинь, но все они всегда чем-то похожи на нее. Наверное, так оно, в общем, и должно быть, потому что встречается-то актер с судьбой вымышленной и, стараясь «оживить» ее, сам порой и не подозревая этого, наполняет эту судьбу своим пониманием жизни, отношением к ней.

Едва ли не в самом начале своего пути Сирье встретила с Мими из оперы Дж. Пуччини «Богема». Традиционно эта бедная, изурнавшая неизлечимой болезнью девушка представляется воплощением кротости и женственности, а ее любовь к Рудольфу воспринимается не как радость, но как очередной удар рока, зачем-то послышавшего еще и эту напасть — чувство, которому не суждено принести ни облегчения, ни счастья.

Сирье увидела в Мими нечто совершенно иное, не жертвенность, но отчаянную до пронзительности жажду

жизни. И любовь к Рудольфу была единственным средством продлить ее, наполнить мыслями не о себе и своих невзгодах, но о другом человеке. Ушел Рудольф — и ниточка оборвалась.

Это только в оперетте все и всегда заканчивается благополучно, какие бы громы ни гремели над возлюбленными в первом и даже во втором действии. Оперетта весела, добра и щедра. И персонажи ее — люди особого склада. Если уж злодей, так другого такого еще поискать надо. Если герой — то всем героям герой. Если уж героиня — значит, средоточие всех мыслимых и немыслимых совершенств. Может быть, за это мы и любим оперетту? За вечный ее оптимизм и всегда счастливый финал...

Всегда любила оперетту и Сирье, не просто любила, она вкладывала в Роз-Мари или Мадлен из «Бала в Савойе» молодой азарт, ту хорошо знакомую каждому начинающему актеру жадность, когда везде хочется себя попробовать, во всем испытать. Ведь оперетта — это не только пение, но и танец, изящный остроумный диалог (если это хорошая оперетта), калейдоскоп быстро меняющихся ситуаций. До поры до времени так и шли они рядышком в жизни Сирье, не особенно мешая друг другу: Мими и Роз-Мари, Недда из «Паяцев» и Мадлен, Шатрова-Никитина из «Двух дней весны» и Ксения из «Бориса Годунова». Идут и сейчас, но рядом им все неудобней.

Нет, Сирье вовсе не хочет обидеть оперетту, многому ее научившую. Оперетту, в которой она по-прежнему чувствует себя легко и свободно: до того, как закончить музыкальное училище и вслед за ним Таллинскую консерваторию, Сирье прошла курс в хореографической студии при театре «Ванемуйне», и эта школа до

сих пор служит ей верой и правдой.

Да, оперетту она любит по-прежнему. Но... Наверное, это именуется взрослением — жизненным, творческим, человеческим, — когда все больше и больше начинают раздражать ненастоящие, придуманные, картинные какие-то переживания в оперетте. А рядом опера... С нешуточностью того, что в ней происходит, с настоящими слезами, с высоким их трагизмом. Ведь даже известная условность оперного сюжета никогда не сможет отнять у Мими беспредельной жажды жизни, а у Ксении — огромной ее боли за близкого человека. Не отнимет потому, что чувства эти глубоки и искренни, владеют ли они человеком в жизни, не дают ли ему покоя на сцене.

Когда в свое время в театре «Эстония» было решено взять к постановке оперу Леонкавалло «Паяцы», Сирье

загорелась. Какой певице не хочется спеть Недду? Но своей фамилии она в распределении не нашла. И тогда решила подготовить партию Недды самостоятельно.

Вообще-то Сирье не «конкурсная» певица. Таковой, во всяком случае, себя не считает. Свободная и раскованная в роли, она в условиях соревнований, один на один со строгим жюри начинает нервничать, «перегорает» до времени. Так было, например, во время Всесоюзного конкурса вокалистов имени М. И. Глинки, проходившего не так давно в Таллине. Вряд ли Пуура, муж Сирье, на этом конкурсе стал лауреатом, а она «слетела» уже с первого тура.

В случае же с Неддой все было иначе. До этого она спела Мими в «Богеме», партию очень лирическую и прозрачную, встретила с героиней, готовой отдать всю себя ради любимого человека и его счастья. Практич-

ная, сама себе на уме Недда была полной противоположностью Мими. Это был иной взгляд на жизнь, другой характер, и разве могла Сирье пропустить возможность встречи с ним. Вот здесь-то для них с Ольгой и началась работа.

С концертмейстером Ольгой Беловой Сирье тесно связана почти десяток лет, еще с консерваторских времен. Вместе с нею она сделала практически все, с чем выступала на сцене театра или в концертах. Ольга — не только и первый слушатель, и первый советчик, и первый критик, но и в какой-то мере — соавтор. Когда они готовили партию Недды, Ольге пришлось «подыгрывать» Сирье и за Канию, и за Тони, за всех персонажей «Паяцев». Это был нелегкий труд, но в конце ждала удача: Сирье пела Недду на сцене «Эстонии». И ее успех по праву разделила Ольга Белова.

И все же при всех преимуществах молодости, которой кажется по плечу буквально все, есть у нее один недостаток (или достоинство?) — она не расчетлива.

— Поторопилась, чуточку бы попозже, — огорченно вздохнула Сирье, когда зашел разговор о «Голосе».

Моноопера французского композитора Ф. Пуленка по монопесе Ж. Кокто, спетая Сирье в замке Глена, чрезвычайно сложна драматургически. Всего за сорок минут проходит перед слушателями история счастья и горечи, история любви, уникальная и похожая на тысячу других. Он и Она. Их телефонный разговор. Она знает, что последний, что за ним — пустота. И говорит при этом вроде бы о пустяках...

Помимо нелегкой драматургии, много в «Голосе» и трудностей технических. Очень долго не «звучала» здесь Сирье в среднем регистре. Поняв, что в одиночку им с Ольгой не справиться, Сирье обратилась за помощью к заслуженной артистке республики солистке ГАТ «Эстония» Лейли Таммел, счастливо сочетающей в своем даровании как вокальные, так и прекрасные педагогические способности. Дело пошло на лад. И все-таки ощущение неудовлетворенности не покидает Сирье до сих пор: рано, слишком рано взялась за «Голос».

...Недавно Сирье Пуура спела Луизу в комической опере С. Прокофьева «Обручение в монастыре», поставленной московским режиссером Г. Анисимовым. Партнерами Сирье в этом спектакле стали прекрасные актеры Урве Таутс и Тео Майсте. В «Богеме» она пела рядом с Маргаритой Войтес, Ану Каал, Хендриком Круммом. С тремя непохожими Борисами — Тео Майсте, Мати Пальмом и Евгением Нестеренко, солистом Большого театра — встретила Сирье в опере М. Мусоргского. Работа рядом с мастерами — не просто радость для молодого певца. Это еще и прекрасная школа, где один урок никогда не похож на другой, и всегда есть возможность взять задание на дом.

Виталий АНДРЕЕВ.